

ВОЙНА ДИСКУРСОВ НА ГРАНИЦЕ ПРИВАТНОГО И ПУБЛИЧНОГО

Александр Сарна

THE WAR OF DISCOURSES ON THE BORDER
OF THE PRIVATE AND THE PUBLIC

© Aleksandr Sarna

associate Professor, candidate of philosophical Sciences, associate Professor
of Department of social communication, Belarusian State University
Lyn'kova str. 117-54, Minsk, 220124 Republic of Belarus

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5701-7573>

E-mail: alsar.08@gmail.com

The article analyzes the communicative practices of citizens carried out in the social space of Minsk and marking the territory by means of special signs, as well as expressing a special attitude to the addressee in the inscriptions on the asphalt. The speech clichés and patterns used in these situations are often subjected to ironic rethinking and discursive transformations. It allows to transform creatively social functions of the dwelling territory, the yard and the street, turning them from social spaces into public. At the same time, language games are realized as “the war of the worlds”, clash of interests of different individuals and groups, discursive practices of which constantly conflict with each other.

To study this phenomenon the author uses the methods of sociolinguistics and semiology as the already established traditions of urban texts research, pointing to internal differences and hidden conflicts in the sphere of communication between different social groups. This process is developed as “the war of languages” (Roland Barthes) or “the conflict of interpretations” (Paul Ricœur), which may not be manifested in the sphere of a direct social interaction. Rather, symbolic means of communication help to solve the problems of distribution of resources and opportunities through the collision of different speech formulas and clichés, without bringing it to a real confrontation.

Keywords: discursive practices; social, private and public space; urban activism.

1. Дискурсивные практики и социальные границы

В современной урбанистике и социологии города важная роль отводится изучению публичных городских пространств, которые противопоставляются не только частным/приватным владениям (недвижимость как форма частной собственности в виде квартир, домов и придомовых участков), но и общественным пространствам, предназначенным для выполнения основных социальных функций, – производственным предприятиям, коммунальному транспорту, жилым комплексам, дворовым территориям, зонам отдыха, образовательным и культурным учреждениям, службам услуг и т. д. Такие общественные пространства далеко не всегда предоставляют свободный доступ для всех социальных групп, возможность общественного управления и гражданской активности, обсуждения и решения актуальных общественных проблем, самореализации и высказывания своей позиции при взаимодействии с другими горожанами и представителями власти. Между тем именно эти критерии на сегодняшний день считаются наиболее важными для развития публичности в жизни городских сообществ (Ярская-Смирнова, Романова, 2013). Так, Ш. Зукин формулирует такие черты и характерные особенности публичной сферы, как наличие общественного управления, свободный доступ для всех, устремленность большинства людей к общественным, а не частным целям (Зукин, 2015). Российский исследователь О. Паченков отмечает, что эта версия понимания публичного пространства «имплицитно подразумевает еще два момента: принципиальное определение публичного через противопоставление приватному на уровне интересов, владения, управления пространством; важность наличия в публичном пространстве возможности для коммуникации и самой коммуникации» (Паченков, 2015, с. 59).

Тем самым городское сообщество базируется на компромиссе, предполагающем в своей основе постоянное выявление и разрешение внутренних противоречий между его членами – и может развиваться, лишь преодолевая их. Здесь вряд ли становится возможна тотальная война всех против всех, где каждый сам за себя, а «человек человеку волк», когда атомизированные, разобщенные индивиды борются за выживание, преследуя свои меркантильные цели. Но, безусловно, в пространстве города есть место для солидарности и даже самопожертвования во имя благородной цели – вот только предназначены они не для всех и ограничены рамками ближнего круга единомышленников (сообщества или семьи). С некоторой степенью преувеличения можно отметить, что сообщество – это и есть ячейка современного социума, а не отдельно взятый индивид или институт. Такого рода социальные субъекты вступают в конфронтацию друг с другом, поскольку объединяют в себе отдельных индивидов и группы с разными интересами, позициями и действиями, реализуемыми совместно или дискретно.

Их взгляды, мнения и высказывания оформляются как дискурсивные практики в различных коммуникативных ситуациях с помощью тех или иных языковых средств. Каждый субъект в той или иной степени поддерживает интерессубъективные нормы и правила в рамках локальной дискурсивной практики, которую можно представить как некоторую «языковую игру» (Л. Витгенштейн), выступающую в качестве основания для построения своего «жизненного мира» (А. Шюц). Этот образ реальности, или картина мира, объясняет и оправдывает не только мотивы и действия участников сообщества, но и само их существование как сплоченной группы. Между различными играми и мирами лежит пропасть – настолько они могут отличаться друг от друга. И если общество не находит возможности объединить их общей идеей (над)национального единства или общегражданской солидарности, то они никогда не смогут найти общий язык и возможности взаимопонимания. В таком случае языковые игры реализуются как «война миров», столкновение городских «племен» и субкультур, которые в своих дискурсивных практиках конфликтуют между собой в борьбе за власть и влияние, ниши и ресурсы, интегрируясь и разобщаясь на разных полях социального пространства.

Особенно важно это для публичной сферы города, которая предстает как разнородная целостность, «плотная», насыщенная система взаимосвязей, пронизывающих все аспекты пространственно-временной организации и жизненного цикла как отдельного человека, так и различных сообществ. Сообщества образуют гетерогенные множества, которые складываются спонтанно и ситуативно в различных конфигурациях как глобальная сетевая мегаструктура (У. Митчелл). Они принципиально отличны от масс, поскольку не замкнуты в себе и стремятся выйти за пределы собственной автономии в поисках Другого в рамках городской среды – как реальной, так и виртуальной.

В обычной, повседневной ситуации это разнообразные и достаточно разобщенные сообщества, занятые внутренними конфликтами и отстаиванием собственных персональных интересов их участников. Например, если собственник жилья в многоквартирном доме начинает перестраивать его, не считаясь с условиями совместного проживания с соседями, другие жильцы могут повлиять на него, в том числе апеллируя к власти как посреднику и «блюстителю» социального порядка. В случае изменения ситуации, когда власть пытается преследовать собственные интересы и «наезжать» на собственников (владельцев жилья, личных хозяйств и приусадебных участков), то происходит мобилизация сообществ. Они объединяются под влиянием внешней угрозы и начинают совместно отстаивать свои права – как это происходит в Минске при попытках сноса части поселка «Северный», застройки сквера Котовка и др.

Во многом активность и сама возможность существования таких сообществ связана с трансформациями и сегментацией про-

странства города. Оно предстает как единая ландшафтная среда, в которой можно выделить несколько ключевых или универсальных компонентов, по К. Линчу, связанных с проживанием, перемещением и деятельностью горожан (Линч, 1982). Но также важны и разрывы пространственной непрерывности посредством границ, в качестве которых могут выступать края жилых кварталов или промышленных и зеленых зон, берега водоемов, стены, ограждения и даже бордюры тротуаров. Именно границы позволяют провести более или менее четкое различие между личным (приватным), общественным и публичным в городской среде. Они выступают точечными компонентами городского пространства, которые служат ориентирами для внутренних и внешних наблюдателей (горожан и приезжих) и позволяют осуществить функциональное зонирование города.

При этом физические границы используются как обозначение пространственной локализации территории в виде конкретных мест в городской среде, контролируемых их владельцами в претензии на обладание некоторыми полномочиями и ресурсами. Максим Трудолюбов указывает на важность установления границ застройки и освоения территории в разных культурах: «Для американского фермера забор – это прежде всего разграничение, которое позволяет избежать спора о границах собственности и тем самым сохранять добрососедские отношения («Сосед хорош, когда забор хорош»). Для нас это скорее защита. Ведь защищаться приходилось все время – и от навязываемого коллективизма, и просто от соседей. В обществе, где каждый жил в условиях страха вторжения со стороны государства и человека, забор – это символ стремления к покою и личному пространству» (Трудолюбов, 2015, с. 36–37).

На огражденной территории жилище предстает как «своеобразная система барьеров, которыми структурируются частные участки пространства, оно представляет собой сложную систему разных «мест» и «зон» как внутри, так и вокруг пространства дома» (Склярова, Чернецкая, 2017, с. 718). При этом «по самой своей природе дом, в котором живет одна семья, является выражением ее территориальных запросов. Принадлежность определяется самим актом размещения в пределах замкнутого участка пространства, отделенного от соседей и улицы участком земли. Иногда границы обозначаются символической оградой, а в некоторых культурах высокими заборами и воротами. При этом размещение внешнего освещения и окон также служит обозначением пространственных притязаний семьи» (Склярова, Чернецкая, 2017, с. 719).

Для поддержания баланса между такими участками городской территории важная роль отводится и социальным границам – условным обозначениям неравенства между возможностями социальных акторов в их доступе и овладении различными ресурсами, благами и привилегиями. Социальные границы выступают как средство разделения локальных социальных позиций и слоев, страт

и сегментов, занимаемых как отдельными индивидами, так и целыми группами. Иногда границы между ними становятся совершенно условны или прозрачны для внешнего наблюдателя, либо могут не совпадать с существующими физическими барьерами и преградами – заборами, стенами, оградами, дверями, воротами и пр. В таких случаях возникают спорные, конфликтные ситуации при распределении полномочий и прав владения применительно к различным участкам городской территории: что считать личным, принадлежащим только мне, а что – общественным, на которое не может быть никаких персональных притязаний? Имеются случаи, когда городские власти в Минске перекраивали участки частных построек и без согласия владельцев устанавливали новые границы территориального разделения (Жуковский, 2017). В других ситуациях горожане сами проявляли инициативу и осваивали сопредельные территории, застраивая крышу подъезда или дома, лестничные площадки или прилегающий участок тротуара (Зуева, 2017).

2. Таблички как маркеры территории

Для предупреждения конфликтов и споров в градостроительной практике и при обустройстве территории активно применяются территориальные маркеры – дискурсивные метки и символические обозначения, указывающие на наличие границы, подчеркивающие статус охраняемой территории и невозможность или недопустимость проникновения на нее. В большинстве случаев для этого используются всевозможные таблички с обращениями и предупреждениями: «Стоять!», «Вход запрещен», «Территория охраняется собаками», «Предъявите пропуск», «Ведется наблюдение видеокамерами» и т.д. Особый интерес вызывают дискурсивные маркеры, которые не укладываются в указанные шаблоны и представляют собой результат креативной переработки стандартных речевых формул. Как правило, это таблички, которые вывешиваются владельцами личных коттеджей и усадебных участков – приватной территории, принадлежащей зажиточным горожанам на правах их личной собственности. На возможности различных вариаций и обыгрывание стандартных формулировок при обращении владельцев участков к посторонним обратил внимание Р. Барт в своей известной работе «Война языков» (Барт, 1989). Для нас наиболее важен именно этот текст, поскольку он показал возможность выявления и изучения скрытого напряжения, проявляющегося как противоречие между приватной и публичной сторонами общественной жизни, когда дискурсивные практики выдают гетерогенность, неоднородность и неоднозначность в сообщениях, которые горожане адресуют друг другу.

Р. Барт выделил три элементарных формы обращения/предупреждения, которые указывают на наличие сторожевых собак, охраняющих участок: «Злая собака», «Осторожно, собака!», «Сто-

рожевая собака». Все они выражают один и тот же посыл для посторонних – «Не входите» (если не хотите быть укушенными). При этом французский исследователь указывает на важность не сходства, но различия в данных сообщениях – «Злая собака» звучит агрессивно, «Осторожно, собака!» – человеколюбиво, «Сторожевая собака» – как простая констатация факта. Тем самым дискурсивный маркер территории посредством одной и той же языковой системы создает возможность трех различных видов символической репрезентации личной власти. С помощью стили своей таблички «хозяин каждой усадьбы воздвигает себе надежное укрытие в виде определенного образа... системы собственности. В первом случае эта система основана на дикой силе (собака злая, и хозяин, разумеется, тоже), во втором – на протекционизме (остерегайтесь собаки, усадьба находится под защитой), в третьем – на законности (собака сторожит частное владение, таково мое законное право). Итак, на уровне простейшего сообщения (Не входите) язык (дискурс) взрывается, дробится, расходится разными путями – происходит разделение языков» (Барт, 1989, с. 535).

В современной ситуации подобное разделение на три возможных модуля с соответствующими тональностями (негативной, позитивной и нейтральной) в отношении к Другому сохраняется, однако приобретает более замысловатый оттенок, особенно когда стандартные формулировки подаются в игровом ключе и переосмысливаются посредством иронии. Тогда прямой посыл в обращении начинает восприниматься совсем по-другому, поскольку изменяется не только смысл сообщения, но и его контекст. Исследование частного сектора как одного из сегментов территории Минска, проведенное в период с февраля по октябрь 2017 года, показало возможности достаточно большого числа вариантов в создании таких табличек. Их прямая функция территориального маркера в зависимости от фантазии хозяина участка/дома может осуществляться в самых разных формах, порой весьма экзотических. Так, исходная базовая номинация «Злая собака» может быть трансформирована в вариацию «Страшная собака» или в свою противоположность с корректирующим уточнением – «Добрая собака кусается». Откровенно провокативный дискурс возникает в случае расширенного варианта обращения – «Внимание! Собака добрая, но имеет слабые нервы». Весьма распространенным является вариант предупреждения как бы от лица самой собаки, а не ее хозяина: «Я добегу до забора за две секунды, а ты?»

Кроме того, был обнаружен случай персонализации с заменой анонимно-безличной и достаточно абстрактной угрозы от лица некой «злой собаки» на конкретное указание имени питомца – «Безопасность обеспечивает Джек» (ул. Багратиона, 59). Также на этой улице можно обнаружить табличку на немецком языке – видимо, сохранившуюся еще со времен войны: «Ich halte Wacht. Betreten auf eigene gefahr» («Я слежу. Входите на свой страх и риск») (ул. Ба-

гратиона, 47а). На улице Мирной в доме 36 о собаках упоминается во множественном числе, однако в уменьшительно-ласкательной форме – «Осторожно, пёсики!». Образцом иронически-гиперболизированного, утрированного обращения к непрошенным гостям является табличка со следующим текстом: «Осторожно! Злая собака, злые хозяева, злые дети, все злые...» (ул. Столетова, 59).

Данные примеры показывают, что социальный конфликт в городской среде разворачивается прежде всего в общественном/информационном пространстве и предстает как «война языков» или дискурсивных практик между разными социальными группами. Именно на это и обращает внимание Р. Барт, изучая соотношение публичной и приватной сторон жизни жителей пригородов в указанной выше работе. В своем наблюдении и описании он объединяет их в класс буржуазии как единое дискурсивное сообщество, хотя и фиксирует различия в коммуникативных стратегиях и практиках саморепрезентации в виде трех видов табличек как вариаций общего шаблона «Осторожно, злая собака!» (далее – ОЗС).

Барт оценивает их с позиции стороннего наблюдателя и в его языке описания группа владельцев усадеб предстает как некая общность (сообщество) – средний класс, который объединен компактностью проживания на локальном участке городской/загородной территории, обладает примерно равным социальным статусом, имущественным положением, финансовой независимостью. Данные характеристики позволяют объединить их носителей в одну группу, хотя в реальности они могут даже не знать о существовании друг друга. Общность их позиций обеспечивает финансовый, социальный и культурный капитал, что и определяет выбор примерно одинаковых стратегий поведения и самовыражения, в том числе посредством языка в дискурсивных практиках. Так появляются воззвания к внешней среде и общественности для ограничения их влияния на личный жизненный мир, апелляция к нормам и законам о неприкосновенности частной собственности и недопустимости проникновения на приватную территорию. Эту позицию и выражают таблички, сделанные в едином дискурсивном формате по шаблону ОЗС.

Р. Барт применил в анализе подобных сообщений семиотический метод, опираясь на возможности социолингвистической парадигмы в социально-гуманитарных исследованиях, которая «использует семиотические категории «семантики», «синтактики» и «прагматики», рассматривая их как уровни возможного определения предмета анализа» (Тичер, Мейер, Водак, Веттер, 2009, с. 44). Поэтому мы далее попытаемся сравнить и изучить различные тексты табличек как территориальных маркеров в городской среде через обращение к аналитическому инструментарию и концептам семиотики, которая осуществляет семантический, прагматический и синтаксический анализ текста на основе выделения в нем структурных, нарративных и риторических элементов.

В рамках данного подхода внимание акцентируется на специфике комбинированных («креолизованных») текстов – изовербов, которые объединяют в себе изобразительные и вербальные компоненты. Наиболее полно эти элементы рассматриваются Р. Бартом в качестве сообщения без кода, которое не трансформирует объект означивания. В изовербах используются: 1) языковое сообщение (вербальный текст); 2) иконическое, «буквальное» сообщение без кода (денотат) и 3) символическое сообщение (коннотат). Использование семиотического метода анализа позволяет обратить внимание на новые аспекты знаково-символической репрезентации темы защиты частной собственности в табличках-маркерах городской территории. Так, многие из них представляют собой классический образец «изоверба» – комбинированного сообщения в рамках шаблона ОЗС, сочетающего вербальный текст с изображением (в данном случае – собаки).

ОЗС представляет собой преимущественно (в соответствии с образцом) вербальные сообщения, основой которых выступают знаковые средства естественного русского языка (за исключением упомянутого выше немецкоязычного экземпляра), однако нередко они дополняются изобразительными элементами. В представленных материалах для этого обычно используются возможности рисунка, которые не столько «объективно» и натуралистически точно представляют изображение собаки, сколько его базовые элементы – контуры головы или тела без указания подробных деталей. Условность изображения, с одной стороны, позволяет создать абстрактный и достаточно нейтральный образ животного, в котором легко угадываются видовые признаки собаки – и именно такое изображение позволяет производить таблички как продукт массового спроса, подходящий для размещения на любом ограждении в любом сооружении, а также обозначения любой породы собак (хотя обычно рисуют овчарку как типичную сторожевую породу).

С другой стороны, акцент в изображении может быть сделан лишь на главном элементе образа как центральном посыле сообщения – тех признаках, которые позволяют идентифицировать животное не только в его видовой принадлежности, но и создать устрашающий образ сторожевой собаки как угрозы для непрошенных гостей, выделяя в рисунке «крупным планом» ее ключевые характеристики в качестве средства защиты от вторжения – морду с оскаленной пастью, крупные зубы как возможность укуса. На фотографиях, представленных для идентификации и даже персонализации собаки («Джек») также акцент делается на морде животного, которая выглядит либо нейтрально-спокойно, либо угрожающе – с оскалом и рычанием-лаем.

В отличие от фотографии, в рисунке подчеркивается субъективность, произвольность изображения, что позволяет отказаться от шаблонов, изображая общие контуры тела вместо деталей и даже

прибегнуть к некоторой карикатурности в виде шаржа, когда в контурах морды собаки могут угадываться человеческие черты, что позволяет отождествить собаку с ее хозяином. Тогда осуществляется метонимический перенос смысла с объекта изображения на контекст сообщения – прием, часто используемый в рекламе и обещающий смещение с буквального, денотативного прочтения таблички на подразумеваемый коннотативный смысл («собака злая – значит, хозяин тоже»).

Однако гротескное и в чем-то даже карикатурное («очеловеченное») изображение пса открывает ироничный подтекст сообщения, говорит об отсутствии возможной угрозы – собаки за оградой вообще может не быть, а табличка не предупреждает о наличии реального животного, но лишь создает возможный образ-симулякр, который номинативно отпугивает нежелательных посетителей. Создание видимости защиты возникает так же, как и в случае, когда хозяин дома уходит и оставляет невыключенным свет, чтобы имитировать свое присутствие в доме и отпугнуть воров. Животного нет, но есть его вымышленный образ – и чем больше он детализирован, тем реалистичней может показаться и оказать нужный эффект. Для этих целей лучше подходит фотография, которая выступает прекрасным средством визуализации угрозы изнутри и предотвращения возможного проникновения извне.

А вот оригинальность надписи, напротив, смягчает этот эффект устрашения, указывая на нестандартность, нетривиальность сообщения, заставляя посетителя-реципиента вчитываться, вникать в суть текста, отыскивать его дополнительные смыслы и варьировать их в попытке угадать истинные намерения хозяина – напугать, проинформировать или развлечь? В таком случае коннотативные аспекты вытесняют или, по крайней мере, уменьшают негативный посыл денотации, а индивидуальная, субъективная комбинаторика возможных смыслов в рамках синтагмы противоречит строгой устойчивости исходной установки-парадигмы («собака должна быть кусачей»). Данное противоречие обостряется за счет использования уменьшительно-ласкательных суффиксов, когда возникает смысловой парадокс – суровый сторожевой пес предстает как «собачка» или «песик». В этом случае трепетное отношение хозяина к собаке проецируются вовне, за пределы его жизненного мира и приусадебного участка, выдавая семейные секреты и вовлекая незнакомцев с улицы в «ближний круг». Соответственно, по конструируемому образу животного в сообщении ОЗС можно выявить не только социальный статус хозяина, но и его отношение к окружающим, готовность выстраивать взаимосвязи с ними, видя в каждом посетителе желанного гостя или коварного врага, подчеркивая его настрой в принятии других и отвечая на вопрос – кого именно он ожидает встретить на пороге своего дома?

Таким образом, в рассмотренных случаях границы между общественными и частными территориями становятся не про-

сто разделительной чертой, устанавливающей пространственные и социальные барьеры, но и коммуникативной возможностью для самовыражения владельцев усадебных участков, иронического обыгрывания ими традиционных речевых формул и клише в рамках официально установленных и легитимно закрепленных дискурсивных практик. Выступая как средство самопрезентации личностных особенностей и социального статуса владельца собственности/недвижимости, преграда для общения (ограда или ворота) за счет используемых языковых средств начинает функционировать как информационный носитель, парадоксально задающий возможность публичности и частной автономии в отношении к общественному разделению полномочий, гражданских прав и свобод в городской среде.

3. «Открытки» на асфальте

Для понимания специфики дискурсивных практик на границе приватного и публичного в пространстве города следует обратить внимание и на такие, казалось бы, незначимые и в чем-то сакраментально-наивные тексты, как оставленные краской или мелом на асфальте дворов и улиц надписи. Тексты данных сообщений предъясняются всем публично и в своей нарочитой демонстративности выступают своеобразным аналогом «открытых писем», рассылаемых на почтовых карточках (Орлов, 1969). Кроме того, подобно открыткам, письма на асфальте выполняются по определенному шаблону – речевому клише, формула которого определена границами жанра и варьируется от поздравления до проклятия (в основном встречаются признания «Я тебя люблю» или поздравления «С днем рождения!», далее – ЯТЛ и СДР). В Минске их появляется все больше и даже происходит своеобразная смена поколений, когда рядом со старыми надписями возникают новые, что и удалось зафиксировать в период с июня по сентябрь 2017 года: сфотографировано 28 надписей (ЯТЛ – 13 надписей, СДР – 11, других – 4) в таких жилых районах, как Каменная Горка, Масюковщина, Домбровка, Сухарево, Зеленый Луг и Малиновка, причем нужно отметить неравномерность распределения данных сообщений по территории города – в Каменной Горке и Домбровке обнаружено 16 «открыток», т.е. большая часть из всей совокупности.

Исследование еще не закончено и сбор данных продолжается, хотя некоторый материал уже есть, позволяющий сделать предварительные выводы. В основном тексты сообщений ЯТЛ и СДР появляются в новых жилых микрорайонах, что связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, это густозаселенные территории, где количество жителей достаточно велико, причем большая часть из них живет в высотных многоквартирных домах, поэтому вероятность появления рядом с ними подобных надписей гораздо выше. Во-вторых, кроме отдельно выделенных участков под скве-

ры и парки, такие районы засажены молодой растительностью (деревьями и кустарниками), главным образом – вдоль дорог, тротуаров и возле жилых домов, а также во дворах. Здесь растения еще не разрослись, поэтому не могут скрыть надписи на поверхности земли от взгляда сверху – с верхних этажей жилых домов, за счет чего открывается визуальная перспектива хорошего обзора и возможность появления сообщения, которое точно будет увидено и оценено адресатом.

Это главный фактор, который определяет формат письма – размер букв в надписи, яркость использованной краски или жирность линий, начерченных мелом, чтобы привлечь внимание – без всего этого текст просто не будет замечен и распознан, а значит, и цель акции не достигнута. Так, в микрорайоне Домбровка на улице В. Голубка обращение «Я тебя люблю» написано примерно в ста метрах от дома номер 10 – на ближайшей остановке общественного транспорта. Соответственно, чтобы надпись могла быть распознана и прочитана, потребовалось написать краской буквы большого размера – около метра величиной. Их наличие на остановке привлекает внимание уже не только адресата и жильцов дома, но и всех, кто пользуется услугами автотранспорта и приходит на данную остановку, а взглянув себе под ноги, внезапно обнаруживает на асфальте признание в любви.

Также есть и третье обстоятельство, способствующее появлению надписей, – преобладание молодежи именно в новых жилых районах и именно в тот период, когда растительность еще не перекрыла обзор и остается возможность самовыражения через признание в любви или просьбу о примирении. Фактически такой шанс выпадает лишь первому и второму поколению жителей района, поскольку все последующие уже столкнутся с существенными затруднениями – плотность населения будет возрастать, что лишает шанса нанесения надписи в дневное время (остается только ночное), а также вырастут деревья с пышной листвой, которые начнут закрывать обзор и перекрывать видимость. Эти условия лишают возможности написать послание во дворе, поскольку именно здесь обычно пространство достаточно ограничено, а плотность посадки зеленых насаждений максимально высока. Тем самым остается лишь две возможности – оставить сообщение на улице, с внешней стороны фасада здания либо непосредственно перед подъездом, на площадке перед входной дверью или у ступеней, к ней ведущих. И в том и в другом случае риск быть застигнутым врасплох на месте «преступления» резко возрастает – на улице в дневное и даже в ночное время может проехать автомобиль, в том числе – патрульная машина автоинспекции, а из подъезда всегда могут выйти жильцы – как днем, так и ночью. Кроме того, ракурс восприятия такого сообщения существенно расширяется – ведь его теперь будут видеть все жильцы дома каждый раз, когда они выходят из подъезда или смотрят в окно.

В таком случае адресация послания становится чрезвычайно важна и обращение должно включать в себя имя адресата, а также отправителя (автора сообщения), поскольку есть риск совпадения часто встречающихся имен у жильцов в данном доме и подъезде, которые могут подумать, что обращаются именно к ним. Фактор анонимности послания отступает на второй план и возрастает риск опознания адресата не только им самим и его семьей, но и другими жильцами – соседями и всеми, кто догадается, кому адресовано поздравление или признание в любви. А это уже может привести к дискредитации адресата и угрозе последующего конфликта с автором сообщения. Впрочем, такой риск остается в любом случае – ведь если последний хочет сделать адресату приятный сюрприз, то его действия должны быть неожиданными и совершаться без предупреждения. Соответственно, нет никакой гарантии, что девушка или юноша, прочитавшие обращение к ним лично, останутся довольны тем фактом, что теперь все жильцы дома смогут читать это сообщение, понимая, о ком идет речь.

Возможно, именно поэтому большинство текстов являются анонимными. «Открытки» наносятся без подписи, оставляя возможность некоторой неопределенности, сохраняя интригу и призыв к адресату разгадать эту загадку («Угадай – кто автор?») или опасаясь возможного преследования для возмещения ущерба и устранения надписи. Однако есть и те, кто, напротив, стремится избежать двусмысленности и подписывает свое обращение, ведь это добавляет к нему радость узнавания и исключает саму возможность альтернативы – вдруг девушка, расчувствовавшись от такого подарка, выразит благодарность кому-то другому, приписав ему авторство по ошибке. Возможно, у автора сообщения могут быть конкуренты, и анонимное послание даст им неожиданные козыри в борьбе за благосклонность адресата. Имеется интересный случай в Минске, когда во дворе дома 85 по проспекту Пушкина в надписи «С днем рождения, Катя!» подписались сразу два автора, нарисовавших три сердечка и уточнивших, что все это – «от Вовы и Лешки». Видимо, друзья не считают друг друга конкурентами и решили объединить усилия в выражении своей симпатии к девушке, что помогло им проще осуществить задуманное (один мог делать надпись, пока второй следил, чтобы никто не помешал).

Абстрагируясь от конкретики представленного материала, зададимся общим методологическим вопросом: что представляют собой данные тексты и как можно анализировать их? Некоторые исследователи включают данные типы открытого письма в те или иные классификации граффити (Бажкова, Лурье, Шумов, 2003), но здесь есть несколько отличий, и самое главное из них проявляется уже при выборе объекта-площадки для нанесения надписи. Так, художники-райтеры в абсолютном большинстве случаев предпочитают рисовать на вертикальных поверхностях – стенах зданий, заборах, рекламных щитах, вагонах метро и т.п. Это позволяет им

добиться лучшего эффекта – вертикальный рисунок и текст видны издалека, в отличие от изображения и надписи на горизонтальной поверхности, которые можно разглядеть только сверху или с минимального расстояния, подойдя к ним как можно ближе. Тем самым вертикальная поверхность в качестве публичной площадки расширяет диапазон видимости и задает саму возможность публичности, выступая как «горизонт видимого», где дистанция обзора достигает ста и более метров, особенно при использовании специальных оптических приборов.

На сегодняшний день проведено уже достаточно много этнографических, антропологических и фольклорных исследований городских надписей (например, Bushnell, 1990; Chalfant, 1995, Dundes, 1966; Reich, Buss, Fein, Kurtz, 1977; Shumov, 1996; Stocker, Dutcher, Hargrove, Cook, 1972; Бажкова, Лурье, Шумов, 2003). Однако они, как правило, заостряют внимание на важности граффити и стрит-арта как инструментов визуальной репрезентации сообщества или субкультуры, когда персональные, субъективные мотивы автора письма считаются важными лишь в той мере, в какой они способны выразить интересы группы, ее коллективного сознания и разделяемых ею ценностей (Бажкова, Лурье, Шумов, 2003). Райтер всегда заявляет о себе через персональную подпись-тег и не ищет какого-то конкретного адресата, а ЯТЛ и СДР важны именно как персональные обращения – это индивидуально окрашенная визуализация истории межличностных отношений и двусторонней коммуникации, хотя для стороннего взгляда случайного прохожего все не так очевидно. В этом смысле «открытка» – это не граффити и не стрит-арт, поскольку она не стимулирует появления и активной реакции какого-либо сообщества: акт письма воспринимается как сугубо личное дело, а не призыв к общественности. Авторы таких текстов реализуют свои намерения, основываясь на базовых правилах и возможностях видимости в современной городской среде «с позиции «обычного человека», горожанина, заявляющего свое право на трансформацию городской образности» (Самутина, 2014, с. 320) и не стремящегося к эстетизации своего самовыражения, так что его творчество не относится к художественным практикам современных арт-активистов. Ведь «сплоченные граффити-сообщества адресуют свои изощренные послания на зашифрованном языке, который надо уметь читать, в первую очередь «посвященным», и во вторую – «системе», т.е. репрессивному социальному порядку» (Самутина, 2014, с. 323). Нельзя соотнести эти послания и со стрит-артом, который «обладает очень большим потенциалом открытости любому взгляду: как культурная практика в целом и как набор конкретных приемов, форм и фактур, он работает с потенциальными непроявленными сообществами» (Самутина, 2014, с. 322–323).

Еще одним аргументом, не позволяющим отнести данную категорию текстов к сфере альтернативного искусства, является тот

факт, что нет никаких свидетельств борьбы против нанесения подобных надписей либо следов их устранения – замазывания, стирания или нанесения краски поверх надписи. Обычно работники ЖЭСов весьма болезненно реагируют на появление несанкционированных надписей на вверенной им территории, а результаты их попыток устранить надписи со стен домов стали отдельной историей, иронично интерпретируемой как новая форма авангардной живописи – «фупрематизм» или ЖЭС-арт (Бубич, 2015). Нами же не было зафиксировано ни одной попытки устранить надписи с асфальта, что наводит на мысль о присущей работникам жилищно-коммунальных служб склонности отождествлять тексты «открыток» с детскими рисунками на асфальте, к которым бессмысленно применять какие-либо санкции, поскольку такое творчество просто находится вне всякой критики.

«Детскость» и наивность написанных на асфальте текстов проявляется и в том, что, несмотря на всю искренность выражаемых чувств и сугубо «индивидуальный подход» при выборе целей и средств для своего творения, авторы признаний-поздравлений в подавляющем большинстве случаев никак не пытаются преодолеть речевые клише и остаются в рамках традиционных и даже в каком-то смысле архаических формул ЯТЛ и СДР. Такие штампы, казалось бы, на корню убивают любую индивидуальность и никак не совместимы с претензией на оригинальность, но даже попытка преодоления одного шаблона может привести к использованию другого. Так, по адресу ул. Мазурова, около дома 18, была зафиксирована надпись «Улыбнись! И+N=♥», где автор вышел за рамки речевых шаблонов ЯТЛ и СДР, сформулировал свое обращение к адресату как просьбу об улыбке, однако тут же выстроил свое представление о взаимной любви в виде стереотипной формулы сложения.

Однако, похоже, авторов писем-открыток такая ситуация ни в коей мере не смущает: их задача – не оригинальность самовыражения, а поиск адресата и передача ему/ей сигнала о своих чувствах, причем важен сам канал трансляции (улица и двор), а не ее форма. Акт письма в данном случае выступает как индикатор границы между видимым и невидимым – маркер публичной, открытой для всех фиксации визуального текста, адресат которого остается скрыт в зоне приватности. Соотношение приватной и публичной сфер в таком случае можно представить как противопоставление невидимого/периферийного/случайного – видимому/значимому и центральному в пространстве городской культуры. И тогда надпись, созданная как поздравительная открытка, выступает как публичное обращение к частному, единичному индивиду – субъекту приватности, спрятанному, замаскированному, сокрытому в глубине личного жилья, в коконе персонально ограниченного пространства. Практически всегда и везде адресат – это один из жильцов в многоквартирных домах повышенной этажности. Единственным

исключением по Минску стала надпись «Алина, с днем рождения» возле одноэтажного жилого дома в частном секторе – районе усадебной застройки по улице Ольшевского, да и она была написана мелом и исчезла уже через месяц.

Цель данных обращений – обратить на себя внимание адресата как отдельного изолированного субъекта, помещенного в особые условия проживания, не позволяющие осуществить межличностную коммуникацию в устной форме, но письменно и дистанционно на расстоянии, доступном для визуальной идентификации и чтения текста – из окна, с балкона, при выходе из подъезда и пр. В идеале требуется выманивание адресата из дома и квартиры наружу, из персонально-приватного – в общественно-публичное пространство города, что превращает обращение в настойчивое требование «Выходи» (как в случае явно детской надписи мелом на асфальте во дворе жилого дома в Минске по адресу ул. Радужная, 7). Поэтому векторно высказывания ОЗС и ЯТЛ направлены в противоположные стороны: извне, снаружи – внутрь, из внешнего общественного пространства улицы или двора – во внутреннее изолированное и замкнутое приватное пространство квартиры, подъезда или дома. И поскольку они ставят под сомнение сам формат межличностной коммуникации, формально следуя ему, но помещая тексты в общественное пространство и делая их всеобщим достоянием, то и реакцию в обществе и у самого адресата они могут вызвать неоднозначную, провоцируя самые разные эмоции – от восхищения и снисходительного одобрения до возмущенного отрицания (здесь мы опираемся на мнения, высказанные жильцами при фотографировании во дворах автором статьи надписей, послуживших эмпирическим материалом для данного исследования).

В любом случае, неоднозначность данной ситуации подчеркивает сам факт принципиальной незавершенности коммуникации, невозможность адекватного реагирования на полученный призыв, поскольку он односторонне направлен от адресанта к адресату и не предполагает ответа от последнего в том же формате. В самом деле, практически невозможно допустить даже вероятность ответной реакции адресата, который бы совершил аналогичные действия и фактически продолжил бы акцию автора послания, отвечая ему в том же духе – надписью на асфальте. Не исключая самой возможности такого рода переписки, мы, тем не менее, отмечаем отсутствие подобных прецедентных случаев – ни одного текста ответной надписи не было зафиксировано, что исключает общение в форме диалога типа «Я люблю тебя! – И я тебя» или «С днем рождения! – Спасибо большое, я рада». Тем не менее, призыв направлен извне вовнутрь, но вовсе не в никуда и предполагает ответную реакцию адресата в ином варианте: тот, кому предназначено сообщение, сможет отреагировать и выразить свои эмоции по-другому, необязательно в письменной форме – позвонить, ответить лично, договориться о встрече и т.п. При этом автор сооб-

щения явно рассчитывает на восторг и благодарность адресата, хотя возможна и любая другая реакция-эмоция, равно как и ее отсутствие, игнорирование и безразличие. Тем самым присутствует определенная вероятность, что реализовался один из следующих сценариев:

- тайный поклонник или фанатка решили признаться в своей симпатии к адресату, но поздравление или признание не было замечено и не оценено по достоинству, т.е. коммуникация не состоялась;

- автор привлек внимание адресата, но не раскрыл себя – состоялся отдельный акт речи, не имевший продолжения и оставивший больше вопросов, чем ответов;

- автор текста подтверждает свои чувства данной акцией, хотя они и так известны, что позволяет надеяться на продолжение и развитие отношений;

- акт письма поставил адресата в неловкое положение, вызвал конфликт (например, ссору с родителями, увидевшими надпись и потребовавшими прекратить общение с ее автором) и прекращения коммуникации.

Таким образом, рассмотренные выше коммуникативные практики жителей Минска можно представить как перманентный, хотя и далеко не очевидный социальный конфликт, разворачивающийся в городской среде в виде столкновения различных речевых формул и клише, как правило – ОЗС, ЯТЛ и СДР. Однако «война дискурсов» или «конфликт интерпретаций» (П. Рикер) не происходит напрямую как следствие противоречивости или непримиримости представленных стратегий и позиций, но лишь по причине противоположно направленных векторов их разворачивания: из приватной, частной, незаметной сферы письмо или текст адресуется в публичную, видимую, общезначимую (как в случае с табличками ОЗС) и наоборот – в соответствии с персонально представленной визуальной историей признаний, симпатии и любви («открытки» ЯТЛ и СДР). Данные стратегии можно расценивать как приглашение к диалогу, поиск собеседника и обращение к нему, даже если он остается невидим, скрыт от глаз наблюдателей (ЯТЛ и СДР) или еще не определился с возможным форматом участия в общении – дружеском или конфликтном (ОЗС). Хотя и в том, и в другом случае анализ дискурсивных практик помогает нам выявить реальное многообразие возможностей горожан в их причастности к *vita activa*, когда они совместными усилиями творчески преобразуют «пустые» и «серые» общественно-функциональные зоны Минска в насыщенные смыслами, контактами и конфликтами публичные пространства.

Литература

- Барт, Р. (1989). *Война языков*. В: *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. Москва: Прогресс, с. 535–540.
- Бажкова, Е.В., Лурье, М.Л., Шумов, К.Э. (2003) *Городские граффити*. В: *Современный городской фольклор*. Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т, с. 430–449.
- Бубич, О. (2015) ЖЭС-арт против памяти. «Пространственные интервенции» по-беларусски. [онлайн] *Белжурнал*. Доступ по: <http://journalby.com/news/zhes-art-protiv-pamyati-prostranstvennyye-intervencii-po-belaruski-387>. [Просмотрено 20 июня 2018].
- Глава района А. Жуковский о сносе для «Минск-Мира»: Заборы на Вильямса людям не принадлежат. (2017) [онлайн] *TUT.BY*. Доступ по: <https://realty.tut.by/news/offtop-realty/567591.html>. [Просмотрено 20 июня 2018].
- Зуева, Е. (2017) Дом на крыше многоэтажки, лоджия на козырьке подъезда: как минчане общественное делают своим. [онлайн] *TUT.BY*. Доступ по: https://realty.tut.by/news/offtop-realty/572296.html?utm_campaign=recirculation_mail&utm_medium=bottom_news&utm_source=news.tut.by. [Просмотрено 20 июня 2018].
- Зукин, Ш. (2015) *Культуры городов*. Москва: Новое литературное обозрение, 424 с.
- Линч, К. 1982 (1960) *Образ города*. Москва: Стройиздат, 328 с.
- Орлов, В. (1969) Открытые письма. *Филателия СССР*, № 5, с. 18–19.
- Паченков, О. (2012) Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и злоупотребление публичностью. *Независимый филологический журнал*, №. 17, с. 50–61.
- Публичная сфера: теория, методология, кейс стади*. (2013) Коллектив. моногр. под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова. Москва: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 360 с.
- Самутина, Н. (2014) Пружинки Гамбурга: граффити-райтер Oz и невидимое сообщество видящих. В: *Микроурбанизм. Город в деталях*. Сб. статей под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. Москва: Новое литературное обозрение, с. 316–345.
- Склярова, Т.В., Чернецкая, А.А. (2017) Приватность в городском пространстве: придомовая территория в представлениях горожан. В: *Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной динамики*. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12–13 октября 2017 г.). Москва: ФНИСЦ РАН, с. 717–721.
- Тичер, С., Мейер, М., Водак, Р., Ветгер, Е. 2009 (2000). *Методы анализа текста и дискурса*. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 356 с.
- Трудолюбов, М. (2015) *Люди за забором: частное пространство, власть и собственность в России*. Москва: Новое издательство, 246 с.
- Bushnell, J. (1990) *Moscow Graffiti: Language and Subculture*. Boston, MA: Unwin Hyman, 192 p.
- Chalfant, H., Cooper, M. (1995) *Subway Art*. New-York: Holt, Rinehart & Winston, 247 p.

- Dundes, A. (1966) *Here I Sit: A Study of American Latrinalia*. In: Kroeber Anthropological Society Papers, Vol. 34, pp. 91-105.
- Reich, W., Buss, R., Fein, E., Kurtz, T. (1977) *Notes of Women's Graffiti*. In: Journal of American Folklore, Vol. 90, pp. 188-191.
- Shumov, K. (1996) *Dialog as the Main Form of Students Graffiti Creation*. In: Contemporary Folklore: Changing World View and Tradition. Tartu: Institute of Estonian Language and Estonian Museum of Literature, pp. 347-365.
- Stocker, T. L., Dutcher, L. W., Hargrove, S. M., Cook, E. A. (1972) *Social Analysis of Graffiti*. In: Journal of American Folklore, Vol. 85, pp. 256-366.

References

- Barthes, R. (1989) *Voina yazykov*. [La guerre des langues, The War of Languages]. In: *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress, pp. 535-540.
- Bazhkova, E., Lur'e, M., Shumov, K. (2003) *Gorodskie graffiti*. [Urban graffiti]. In: *Modern urban folklore*. Moscow: Rossiiskii gos. gum. un-t, pp. 430-449.
- Bubich, O. (2015) *ZhES-art protiv pamiati*. «Prostranstvennye interventsii» po-belarusski. [ZhES-art against memory. «Spatial interventions» in Belarusian]. [online] *Beljournal*. [The Belarusian magazine] Available from: <http://journalby.com/news/zhes-art-protiv-pamyati-prostranstvennye-intervencii-po-belarusski-387>. [Accessed 20 June 2018].
- Glava raiona A. Zhukovskii o snose dlya «Minsk-Mira»: Zabory na Vil'iamsa liudiam ne prinadlezhat. (2017) [Head of the district A. Zhukovsky on demolition for «Minsk-Mir»: Fences on Williams str. do not belong to people]. [online] *TUT.BY*. Available from: <https://realty.tut.by/news/offtop-realty/567591.html>. [Accessed 20 June 2018].
- Zueva, E. (2017) *Dom na kryshe mnogoetazhki, lodzhiia na kozyr'ke pod»ezda: kak minchane obshchestvennoe delaiut svoim*. [House on the roof of high-rise buildings, loggia on the porch of the entrance: as Minsk citizens do public their own]. [online] *TUT.BY*. Available from: https://realty.tut.by/news/offtop-realty/572296.html?utm_campaign=recirculation_mail&utm_medium=bottom_news&utm_source=news.tut.by. [Accessed 20 June 2018].
- Zukin, S. (2015) *Cities Cultures*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 424 p.
- Linch, K. 1982 (1960) *Image of the city*. Moscow: Stroizdat, 328 p.
- Orlov, V. (1969) *Otkrytye pis'ma*. [Open letters]. In: *Philately of the USSR*, № 5, pp. 18-19.
- Pachenkov, O. (2012) *Publichnoe prostranstvo goroda pered litsom vyzovov sovremennosti: mobil'nost' i zloupotreblenie publichnost'iu*. [Public space of the city in the face of modern challenges: mobility and abuse of publicity]. In: *Nezavisimyi filologicheskii zhurnal*, №. 17, pp. 50-61.
- Publichnaia sfera: teoriia, metodologiya, keis stadi*. (2013) [Public sphere: theory, methodology, case study]. Iarskaia-Smirnova E., Romanov P., red. Moscow: OOO «Variant»: TsSPGI, 360 p.
- Samutina, N. (2014) *Pruzhinki Gamburga: graffiti-raiter Oz i nevidimoe soobshchestvo vidiashchikh*. [The springs of Hamburg: graffiti-raiter Oz and the invisible community of those who see]. In: O. Brednikova and O. Zapor-

- ozhets, red. *Mikrourbanizm. Gorod v detaliakh*. [Microurbanism. City in Detail]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 316–345.
- Skliarova, T., Chernetskaia, A. (2017) Privatnost' v gorodskom prostranstve: pridomovaia territoria v predstavleniakh gorozhan. [Privacy in the urban space: the local area in the views of citizens]. In: *Rossia i mir: global'nye vyzovy i strategii sotsiokul'turnoi dinamiki*. [Russia and the World: Global Challenges and Strategies of Socio-Cultural Dynamics]. Materials of the International Scientific Conference. Moscow: FNISTs RAN, pp. 717–721.
- Titscher, S., Meyer, M., Wodak, R., Vetter, E. 2009 (2000). *Methods of text and discourse analysis*. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 356 p.
- Trudoliubov, M. (2015) *Liudi za zaborom: chastnoe prostranstvo, vlast' i sobstvennost' v Rossii*. [People behind the fence: private space, power and property in Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 246 p.
- Bushnell, J. (1990) *Moscow Graffiti: Language and Subculture*. Boston, MA: Unwin Hyman, 192 p.
- Chalfant, H., Cooper, M. (1995) *Subway Art*. New-York: Holt, Rinehart & Winston, 247 p.
- Dundes, A. (1966) *Here I Sit: A Study of American Latrinalia*. In: *Kroeber Anthropological Society Papers*, Vol. 34, pp. 91–105.
- Reich, W., Buss, R., Fein, E., Kurtz, T. (1977) *Notes of Women's Graffiti*. In: *Journal of American Folklore*, Vol. 90, pp. 188–191.
- Shumov, K. (1996) *Dialog as the Main Form of Students Graffiti Creation*. In: *Contemporary Folklore: Changing World View and Tradition*. Tartu: Institute of Estonian Language and Estonian Museum of Literature, pp. 347–365.
- Stocker, T.L., Dutcher, L.W., Hargrove, S.M., Cook, E.A. (1972) *Social Analysis of Graffiti*. In: *Journal of American Folklore*, Vol. 85, pp. 256–366.